

ДКАРИНА
ЕМИНА

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет серию «НЕОБЫКНОВЕННАЯ МАГИЯ»

Франциска Вудворт
«Мой снежный князь»
«Мой снежный князь.
Строптивница для лэрда»

Настя Любимка
«История бледной моли»
«Я люблю тебя
больше жизни»
«Любовь без гордости.
Навеки твой»
«Любовь без гордости.
Я знаю — ты мой»
«Я — твоя королева!»

Ева Никольская
«Моя темная половина»

Алиса Ардова
«Мое проклятие. Право
на счастье»

Александра Лисина
Цикл «Артур Рэйш»
Кн. 1 «Когда темные боги
шутят»
Кн. 2 «Охотник за душами»
Кн. 3 «Жнец»
Кн. 4 «Темный маг»
Кн. 5 «Проклятие королей»

Марина Эльденберт
«Осколки времени»

Бронислава Вонсович
«Туманы Унарры»
«В паутине чужих
заклинаний»
«Мягкие лапки судьбы»

Ольга Романовская
«Пикантные обстоятельства»

Карина Демина
«По ту сторону жизни»
«Дом последней надежды»
«Маленькая история большого
заговора. Лиса в курятнике»
«Маленькая история большого
заговора. Охота на охотника»
«Портрет моего мужа»
«Одиночество и тьма.
Одинокий некромант желает
познакомиться»
«Одиночество и тьма.
На краю одиночества»

Анна Платунова
«Твое имя»

Ольга Валентеева
«Прокляни меня любовью»
«Маска для канцлера»

Ольга Герр
«Жмурки с любовью»

*Франциска Вудворт,
Екатерина Васина*
«Особый случай»

*Ольга Куно,
Екатерина Каблукова*
«Институт идеальных жен»

Марина Ефиминюк
«Между двумя мирами.
Школа выживания»
«Между двумя мирами.
Сердце Абриса»

Галина Герасимова
«Механика невезения»

ДКАРИНА
ЕМИНА

ОДИНОЧЕСТВО И ТЪМА
НА КРАЮ ОДИНОЧЕСТВА

Издательство АСТ
Москва

...☀ ГЛАВА 1 ☀...

Конфеты доставили ближе к вечеру.
Анна устала.

Утомила вдруг поездка. И женщина, которая вновь притворялась жертвой, хотя теперь у Анны совсем не получалось верить ей. И город. И тот мальчишка, который швырнул в мотор камнем, благо не попал. Или защита сработала?

Утомила Анна сама себя ворохом сомнений, что разом всколыхнулись в душе. Любовь? О любви она и не думала. Ей бы выжить и от проклятия если не избавиться, то хотя бы подавить его на пару лет. Пара лет жизни — это много, ей ли не знать, только все равно сердце ноет, растревоженное.

Если подумать, то она никогда не влюблялась.

Никанор?

Скорее необходимость. И осознание, что никому другому она, Анна, с сомнительными ее талантами и отсутствующим приданым не нужна. Может, потому и позволила себе верить в эту несуществующую любовь? Ухватилась за Никанора, как матушка за отца, а потом привыкла.

Уговорила. Заняла себя работой, влилась в выстроенную Никанором жизнь и плыла по ее течению, позволив себе развод единственной попыткой понять, чего же хочется ей. Чего?

До недавнего времени Анна была вполне себе счастлива в этом доме, который успела обустроить по собственному вкусу. Цветы и тишина, что еще надо ей?

Выходит, что надо.

Она остановила мотор у поместья, и Елена неловко выбралась. Она задержалась, чтобы сказать:

— Вы красивая женщина. Вы с легкостью найдете себе кого-нибудь... более подходящего.

— Вас это не касается.

И показалось, светлые глаза потемнели. Ненадолго.

— Вы правы... или нет? Все же Глеб — моя семья. И меня она вполне устраивает в нынешнем виде.

Почему-то прозвучало почти угрозой, и даже Аргус заворчал, предупреждая, что не даст хозяйку в обиду. А Елена погрозила пальцем:

— К слову, вы знаете, что церковь не одобряет нежить? И не только не одобряет... В Смутное время сотворено немало интересных артефактов, которые помогали защищать людей от нелюдей. Поэтому на вашем месте я бы не слишком рассчитывала, что эта тварь вас защитит.

Рык стал громче.

Анна же произнесла:

— К счастью, вы не на моем месте.

К счастью ли?

Она с облегчением закрыла ворота и отогнала мотор в переделанную конюшню, в которой собственно от конюшни осталось лишь название.

— Меня она пугает, — призналась она Аргусу, который, забравшись на крышу мотора, наблюдал, как Анна выгружает пакеты.

И бутыль с темным зельем.

Ее попробовать? Или же по старинке бордоской пройти? Или... сперва одно, а затем другое? Так оно определенно вернее.

— Но с другой стороны, на что жаловаться? И стоит ли? Никогда я жаловаться не умела и сейчас не буду. Во-первых, смысла в этом нет. Во-вторых, ей показалось. Да, Глеб хорошо ко мне относится. И мне он глубоко симпатичен, но симпатия — это далеко не любовь. В принципе, я, кажется, на любовь не способна.

Жидкость, разведенная с водой, приобрела оттенок бриллиантина. И запах появился, несильный, но неприятный. Впрочем, работа всегда помогала Анне избавиться от ненужных мыслей.

А работы было много.

Она обработала розы, после, подумав, и пурпурный бересклет, а за ним — плющ, хотя последний обладал устойчивостью к паразитам, но жидкость еще оставалась.

Анна прошла по растениям на террасе. И на кухне, благо Мария не видела этого непотребства.

Подрезка. Пересадка. Черенкование и высадка тех черенков, которые дали корни. Скоро придется оформлять новую доставку, что, наверное, хорошо, но... работа не успокаивала.

Больше не успокаивала.

В голове крутились те самые неправильные мысли: если допустить, что Анна избавится от проклятия, а еще станет моложе и обзаведется титулом... Нет, глупость, глупость совершеннейшая.

И с чего она взяла? Всего-навсего взаимная симпатия.

В его жизни, как и в жизни самой Анны, пожалуй, не так часто встречались люди, с которыми можно было бы просто поговорить.

Волна по ограде заставила отвлечься от этикеток, которые Анна, признаться, совсем утомилась подписывать. И почерк ее давно уже избавился и от приятной округлости, и от той правильности, которую требовали наставницы в пансионе, сделавшись угловатым, некрасивым. Буквы скакали, норавлились слипнуться в нечто вовсе нечитаемое, а этикеток перед Анной лежало больше полусотни.

— И кто к нам в гости?

Мальчишка. Незнакомый. Опрятный, хотя и одет просто.

Увидев Анну, он сорвал картуз с вихрастой головы и поклонился.

— Барышня, вам тут конфеты, — он обеими руками держал огромную, едва ли не больше его самого, коробку конфет. — Передать просили.

— Кто?

— Так это... — Мальчишка пожал плечами и отступил к дороге, явно не желая отвечать на неудобный вопрос. — Ухажер небось... кто ж еще?

И вправду: кто?

Анна сделала шаг.

Сзади беззвучно затворилась калитка. Где-то далеко взвыли собаки, хором, будто предупреждая. И мальчишка дернулся на этот звук. Обернулся. Вперился взглядом, но вовсе не в Анну.

Аргус?

Он держался рядом. Он втянул воздух и тихо рявкнул. А мальчишка подпрыгнул и, широко перекрестившись, уронил коробку. Попятился.

— Погоди. Не бойся, он не тронет...

— Нежить! — взвизгнул посыльный и бросился прочь, только босые пятки сверкнули.

— Нежить, — повторила Анна, разглядывая коробку.

Массивная. Тяжелая.

Темное дерево, отполированное до блеска. Серебряные наклейки. Серебряная же табличка с отриском известного

в столице шоколадного дома. Эта коробка, пожалуй, не заслужила того, чтобы валяться в пыли. И Анне пришлось подходить. Наклоняться.

А вот карточки не было.

И это было странно. Определенно. Нет, в той, прошлой жизни, когда она из простой мещанки вдруг стала женой «того самого Лазовицкого», Анне присылали подарки. В том числе и шоколад из «Шоколадницы».

Коробка была оригинальной.

Анна тронула тонкий замочек.

Интересно. И не только. Почему-то вид этой коробки вызывал тошноту. И слабость вдруг накатила такая... а с ней и желание лечь. Прямо здесь, перед домом, и плевать, что мостовая грязна. Разве стоит думать о грязи, когда глаза сами слипаются, а силы уходят...

Рык донесся издалека.

А еще кто-то толкнул Анну в спину, и она упала. На камни. Руки обожгло болью, а вместе с ней вернулась и способность дышать.

— Сидеть, — рывкнула Анна, борясь с тошнотой. И все-таки не справилась, ее вывернуло зеленоватой слизью, и это было отвратительно. От стыда и обиды Анна расплакалась...

Расплакалась бы, но острая морда ткнулась под ребра, а знакомый голос сказал:

— Дрянь.

И это было не про Анну.

— Что ты творишь! — этот голос Анна тоже узнала. — Сейчас сожрет и будет прав...

— Нет. Он умный. Понимает. Надо встать. Давай...

Анна попыталась, но ноги не слушались, и проклятие ожило, расплзаясь по телу. Теперь Анна ощущала его темным огромным червем, что норовил забраться по ее позвоночнику. А еще она знала, что скоро у червя получится.

И тогда ее, Анны, жизнь оборвется. Не сразу, нет.

— Вставайте, — этот голос заставил отвлечься. — Надо кого-нибудь за целителем послать...

— На хрен.

Острые плечи. Дети, которые пусть и рослые, но все равно дети.

— Надо. Или хотя бы за наставником. Давай ее отведем, и я сбегаю... вы идти можете? Осторожно. Шаг. И еще.

— Аргус, — Анна остановилась, чтобы сосредоточиться, потому что идти и думать было сложно, — Глеба помнишь?

Найди. Скажи... как-нибудь, что... кажется, меня вновь пытались убить. Спасибо. — Это уже мальчишкам.

Арвис, который немного изменился с прошлого раза, но Анна понять не могла, в чем именно заключается перемена. И Богдан Калевой в драной рубашке. Вид у него будто с кошкой дрался. И кровью пахнет, правда, Анна не могла толком понять, от него или же от нее.

Идти пришлось до ворот. Целых три шага. Или даже четыре. Невыносимо далеко.

И от ворот до лавки. Надо будет поставить другую, прямо здесь, для вот таких, особых, случаев.

— Спасибо, — на лавку она упала.

А Арвис спросил:

— Пить?

— Да, пожалуйста... на кухне вода... и лимонад. И... что это было?

— Дрянь, — сказал Арвис.

— Скорее всего проклятие отсроченного действия. Или, что вернее, на крови. — Богдан присел рядышком. Двигался он осторожно, явно опасаясь потревожить левую руку. Уложив ее на колени, он пошевелил пальцами. — Я видел этого мальчишку. Он нес коробку, но ничего не произошло, а как только вы взяли ее в руки, проклятие оживо. С отсроченным действием сложно угадать вот так, а вот если сделать привязку на крови...

— У меня нет обыкновения поливать кровью конфеты.

Богдан кривовато улыбнулся. Арвис же подал стакан воды и устроился по другую сторону от Анны. Он погладил руку и сказал:

— Хорошая. Найду ублюдка. Глаза выдавлю.

— Он стал больше говорить, — заметил Калевой. — Но я не уверен, что этому следует радоваться.

Вода была вкусной.

Настолько вкусной, что, когда она закончилась, Анна едва не расплакалась от огорчения. Но стало легче.

— Спасибо вам.

— Анна... хорошая. — Арвис вцепился в ее рукав и прижался, уткнулся лицом в бок, вдохнул. — А его били.

— Кто?

— Да... не важно. — Богдан потер руку. — Это все на самом деле... просто так получилось.

— Илья сказал, что прирежет. Ночью. Он ложку спер. Сделает теперь... и так, — Арвис провел пальцем по горлу, и Анна

вздрыгнула, потому что сказано это было спокойно, будто речь шла не об убийстве, а о вещах обыкновенных.

— На самом деле все не так и плохо. Мы просто пытаемся выяснить, кто сильнее, вот и... он рубашку порвал. А наш наставник огорчится. И я подумал, что у вас есть нить с иглой. Почистить я и сам могу, а вот зашить...

— Снимай.

И мальчишка без спора стянул рубашку. На тощем теле его виднелись свежие порезы.

— Не обращайтесь внимания, — он прикрыл один, пересекавший ребра. — Он не со злости.

— Злой, — возразил Арвис.

— Просто его злит, что я... что у меня отец граф...

— У него тоже.

— Прекрати.

— Я знаю. — Арвис ткнул пальцем в порез и велел: — Стой. Знаю. Имя не знаю. Картинку видел. Тогда, когда был... там... плохо. Тварь внутри. Она про всех знала. Я молчу. Они боются. Мне скорей глотку перережут, чем тебе...

— Никому ничего не перережут, — сказала Анна, надеясь, что ее слова прозвучали в достаточной мере веско. — В конце концов, это совершенно недопустимо. Проблемы нельзя решать только насилием.

Мальчишки переглянулись.

Они явно думали, что Анна просто слишком наивна. Со взрослыми такое случается.

Глеб появился, когда Анна почти пришла в себя.

Он просто-напросто перемахнул через забор, разом проломив собственную защиту, прошелся по плющу и ковру из серебролистника, который только-только начал разрастаться. И вид у него был такой, что мальчишки замерли.

— Привет. — Анна вытерла рукавом губы. Наверняка от нее воняло.

И вид — грязная, растрепанная. Несчастливая. Ей бы укрыться в доме, привести себя в порядок, а она почему-то плачет. Может, потому, что ее давно никто не обнимал? Не успокаивал?

— Все хорошо... — она повторяла это снова и снова, не веря самой себе.

— Все хорошо, — соглашался Глеб, но ему тоже не удалось верить.

А не верить нехорошо.

И когда Анна все же успокоилась — наверное, прошла целая вечность, — она отодвинулась и вздохнула:

— Извините.

— Я вызову целителя?

Она кивнула. И опять вздохнула.

И не без сожаления отодвинулась еще дальше, разом вдруг вспомнив и о правилах приличия, и о том, что вид у нее неподобающий, и...

— Я... мне надо... — она поднялась, не отказавшись от предложенной руки, — переодеться. Я... несколько... не совсем чтобы...

— Конечно.

А еще нужно рассказать ему про мальчишек, которые притаились, и про заточенную ложку. Про все, что еще может случиться, но не должно.

— Анна, — Глеб коснулся ее щеки. — Ты справишься сама? Или... я могу Елену прислать?

— Нет. — От мысли, что в ее, Анны, доме появится эта женщина, становилось дурно. — Я... сама. Справлюсь.

Он не понял.

Или счел этот отказ обыкновенным дамским капризом. Главное, что кивнул и добавил:

— Не выходи, хорошо?

Хорошо.

Она не выйдет и... конфеты остались на улице. А если кто-то поднимет коробку? Если...

— Все будет хорошо, — вновь пообещал Глеб.

Соврал.

...Коробка так и лежала.

— Она? — спросил Глеб, хотя других коробок поблизости не наблюдалось. И зверь заворчал, а мальчишки синхронно кивнули.

Откуда они взялись? Сбежали?

И значит, ограда не так уж надежна, как ему казалось. Это плохо. Особенно сейчас, когда в городе неспокойно.

— Кто принес, видели?

— Парень. — Богдан Калевой, почему-то полуголый, поскреб царапину на боку. — Из тех, которые за копейку готовы принести что-нибудь.

— Запомнил его?

Богдан покачал головой. Арвис дернул себя за прядь и сказал:

— Вонь. Запомнил. Его.

— Запах? — уточнил Глеб. А ведь тот мальчишка наверняка прикасался к коробке, и запах должен был остаться. Но возьмет ли его голем...

— Я, — Арвис ткнул себя в грудь. — Пойду. Знаю. Вонь есть. Там.

И, не дожидаясь ответа, он бодро зашагал по дороге. А Калевой за ним. И когда эти двое сумели найти общий язык? А главное, как они выбрались за ограду? Надо будет проверить завесу. И ту, которую он прорвал, хотя не должен был бы. Он ведь ставил надежно, а вышло... нехорошо.

Но об этом Глеб подумает позже.

Глеб только и успел, что подхватить коробку. Оно и вправду, не стоит ей валяться, а то мало ли кто найдет. И что найдет.

Арвис свернул в переулок.

И еще в один. Он шел, прикрыв глаза, и только ноздри раздувались, улавливая след чужого мальчишки. На перекрестке Арвис свернул влево. Затем направо.

Нырнул меж двумя домами, стоявшими до того плотно, что балконы их смыкались над головой Глеба. С балконов свисали простыни и...

— Тут, — Арвис ткнул в дверь, которая отворилась. И черный кошка, устроившийся на горе грязных тряпок, упреждающе зашипел. На голос его отозвалась лаем мелкая собачонка, которую Глеб не видел. Была ли она в одной из квартир доходного дома или вовсе за пределами его? Глеб не знал.

Стены здесь были до того тонки, что звуки пронизывали их.

Протяжно ныла скрипка. Кто-то матерился. Истерично визжала женщина, и голос ее перекрывал надсадный крик младенца.

— Там, — Арвис крутанулся, но двинулся вверх. Он переступил через стоптанные ботинки, сдвинул короб. И перепрыгнул через пару ступеней. — Тут.

Эта дверь мало отличалась от прочих. Потертая, с потеревшейся краской, которая начала облезать, с темной ручкой и парой веревок, что протянулись прямо над нею.

— Отойдите, — велел Глеб. — И молчите. Арвис, тебя это особенно касается.

Не хватало, чтобы он обложил хозяев. И ведь не объяснишь, что не со зла. Богдан потянул приятеля за рукав, заставив отступить.

Дверь открылась.

Пахнуло сыростью. Запахом того едкого щелочного мыла, которое продают в больших бутылках. Пригоревшей кашей. Бедностью.

— Есть кто дома? — Глеб огляделся.

Квартирка была крохотной и заполненной вещами. Нашлось тут место и массивному буфету, почти перегородившему дверь, и железной кровати с натертыми до блеска шишечками. На ней белоснежной горой высились подушки.

Рядом покачивалась колыбелька, и привязанная к ней веревка уходила куда-то в сторону.

— Чего нать? — мальчишка вынырнул из комнаты и, увидев Глеба, побелел.

— Стой, — сказал Глеб прежде, чем паренек исчез. — Рубль хочешь?

Рубль он хотел.

Глаза блеснули, а бледные губы приоткрылись. Мальчишка боролся со страхом.

— Лови, — Глеб кинул монету, но мальчишка, вместо того чтобы поймать, поспешно спрятал руки за спину. — Дам еще пять, если честно все расскажешь.

— А чего я...

— Ничего. К тебе у меня претензий нет.

Ему было лет десять или одиннадцать, впрочем, могло статься, что и больше: дети городских окраин росли медленней.

— Я знаю, что ты просто принес коробку. Верно?

Мальчишка кивнул. Взгляд его зацепился за монетку, которая заманчиво поблескивала.

— Опиши того, кто тебе ее передал.

— Так это... никто.

— Как никто?

— Никто, — мальчишка насупился. — Я сам. Барышне. Купил.

— Эти конфеты стоят не меньше ста рублей.

— Сколько?! — удивление мальчишки было неподдельным. А еще непонимание. Неужели кто-то и вправду может потратить такие деньги на пустое.

— Сто, может, и двести, если набор авторский, специальный. Поэтому давай серьезно. Я не хочу впутывать в это дело полицию, но мне придется обратиться к ней, если мы не договоримся. Но мы ведь договоримся?

За стеной вновь заплакал младенец, а мальчишка застыл, сунув мизинец в ноздрю. Он думал. Напряженно так думал.

И Глеб решил помочь. Он вытащил ассигнацию и положил на край стола:

— Вот пять рублей. Они твои.

— Проклятые небось? — проворчал мальчишка, но на деньги посмотрел.

— Отчего проклятые?

— Так батюшка баит, что вы все туточки проклятые: и души проклятые, и деньги ваши тоже проклятые.

— Попросишь его окропить святой водой. Поможет.

Мальчишка кивнул и повеселел. Идея, похоже, пришлась ему по вкусу. Он пожевал губу и сказал:

— Только я это... не видел... мне Микола, который Хромой, кликнул и велел отнесть. Пять копеек дал... себе небось поболее взял. Он у нас за старшого, если кто поперед другого полезет, то живехонько по хребтине огребет. Микола, он хромой, но дело знает... Вы его поспрошайте.

...☀ ГЛАВА 2 ☀...

Микола, прозванный Хромым, обрелся на паперти. Он сидел, подогнувши единственную ногу, примостивши рядом самодельный костылик, и вид имел до того жалостливый, что женщины, спешившие к вечерней молитве, то и дело жаловали бедолаге копеечку. Впрочем, конкурентов у Миколы было немного: пара бабок весьма благообразного вида и юродивый, что имел привычку петь срамные частушки. Правда, после он падал на колени и принимался истово креститься на храм, а то и поклоны бил, да старательно так, лоб до крови расшибая.

— Микола?

Мальчишка описал хозяина паперти весьма точно. И лицо у него рябое. И глаз гноится, и рот кривой. Вот только кризна эта наигранная, да и не пахло от Миколы нищетой, напротив, от лохмотьев исходил слабый аромат табака. Причем весьма недурного.

— Па-да-а-айте на пропитание, — заголосил Микола, и бабки закрестились, закланялись, а юродивый крутанулся на месте. — Боле-е-езному... одино-о-окому...

Глеб кинул рубль.

— Знаешь? — он показал коробку, на которой еще держались ошметки тьмы.

Микола подслеповато мигнул, рот его приоткрылся, выпуская пену.

— Мыло выплюнь, — присоветовал Глеб, — а то подавишься еще ненароком. Ты мне неинтересен. Скажешь, кто коробку передал, и с полицией связываться не буду. А нет, то ответишь и за себя, и за того парня.

Кусочек мыла Микола сплюнул в ладонку и просипел:

— Так знать я ничего не знаю, ведать не ведаю...

— Значит, полиция?

— Пожалей, господи-ине, сироти-инушку...

— Слушай, сиротинушка, — Глеб присел и заглянул ему в глаза. — Я ведь и вправду в полицию пойду. Ты, конечно, сделаешь вид, что знать ничего не знаешь. И добиться свидетельских показаний у меня не выйдет, потому и получится, что кругом ты невиновный. Но... оно тебе надо меня злить?

Микола закатил глаза.

— Я ведь пока добром прошу. Скажи, кто коробку эту принес...

Пена пошла изо рта, а тело задергалось.

— Поможите! Поможите! — взвизгнул юродивый. — Жизни лишают!

Твою ж...

— Бедненького меня маменька бросила... папенька бросил... проклятые, проклятые... грядет лето черное, лето красное, кровью меченое... и будет кровушка идти, литься да по камушкам, ручьями-ручейками... — Юродивый шел боком, приступочкой, похлопывая себя по бедрам, и голос его звенел над площадью, заставляя людей задерживать шаг. — А все почему? Боженьку обидели... заветы евонные позабыли... не велел со смертью играть, а они взялись. Пришли. Живое забрали, мертвое слепили. Душу продали... Боженька плачет. Богородица кровавыми слезьми заливается...

— Отходим, — тихо сказал Глеб, ухватив Калевого за плечо. И тот не стал стряхивать руку. Кажется, мальчишки тоже ощутили неладное.

А людей становилось больше.

Они шли на визгливый этот голос словно замороженные. Вот пара купцов, судя по одежде, вполне себе степенных и успешных. Дама в парчовом наряде, который выглядит почти вульгарно. Стая старух, что держатся друг друга, будто опасаясь потеряться в этой толпе.

Мужики. И парни. Мастера, подмастерья. Почтенная публика, которой самое место в церкви.

— Хрень, — громко произнес Арвис.

И юродивый, крутанувшись, замер, выпрямил руку: